

Гомер, древнегреческий поэт

(Ὅμηρος). -- Третье тысячелетие доживает имя Г.; любознательность и остроумие продолжают неустанно работать над решением множества соединенных с ним вопросов -- и все же многовековая загадка ждет своего Эдипа. Именем Г. открывается история литературы не эллинской только, но и прочих европейских, подобно тому как нарисованные Г. картины быта открывают собою историю европейской гражданственности и образованности вообще. Со времени Платона, а наиболее решительно -- в школе александрийских грамматиков выделены были из множества эпических произведений "Илиада" и "Одиссея" как единственные достойные имени Г., царя поэтов. Тогда же раздавались было голоса скептиков (chorizontes) против присвоения Г. "Одиссеи"; но авторитет величайшего в древности литературного критика, Аристарха, восстановил нарушенное на время единомыслие по вопросу об авторстве обеих поэм. До конца XVIII века античная традиция сохранялась неприкосновенной, и в литературе безраздельно господствовало убеждение, что жившая в глубокой древности реальная единая личность силою необыкновенного дарования и всестороннего опыта задумала по определенным планам и чудесно исполнила две бессмертные поэмы, целиком, от начала до конца. Родоначальником поэзии, вождем всех поэтов является Г. и в Божественной комедии. В греческой и римской древности, а также и в новой Европе имя Г. вызывало, впрочем, не одни восторги и поклонение; не было недостатка и в суровых критиках и хулителях его (Зоил); даже почитатели Г., к числу коих относятся и знаменитая александрийская триада -- Геродот, Аристофан, Аристарх -- не всем одинаково восхищались в "Илиаде" и "Одиссее", исправляя одно, заподозривая другое, отвергая третье как неподлинное. "Одиссею" Аристофан заканчивал 296 стихом XXIII песни; X п. "Илиады", так называемая Долония, почиталась вставкою Пизистрата и т. п. Однако во всех подобных случаях не возникало сомнения ни в существовании гениальнейшего из поэтов, ни в способности его создать эти поэмы целиком, ни в возможности согласовать с этим убеждением наличность в поэмах слабых или сомнительных стихов и даже целых песен. Конечно, древним критикам недоставало глубины и точности анализа, в котором изошрились последующие поколения; но зато положение их не было чуждо некоторым выгодам сравнительно с положением новых критиков. Эти последние слишком удалены от того родника, из которого выходили произведения, подобные Илиаде и Одиссее, и от тех условий, исторических и национальных, в кот. совершалась деятельность не только Г. или Гесиода, но даже Эсхила или Сократа. Новым критикам присуща склонность, большею частью совершенно ими не сознаваемая и находящая себе известное оправдание в крайней скудости наших фактических сведений о древнейшем состоянии Эллады, -- склонность предъявлять к произведениям литературы, удаленной от нас на многие века и нам чуждой, такие требования, которые составляют продукт новых литературных явлений, новых понятий о поэтическом творчестве, об особенностях различных видов поэзии и т. п. Действительно, в истории гомеровского вопроса, представляющей собою с конца XVIII в. до наших дней длинную вереницу гипотез, сомнений и построений, можно было бы проследить отражения преобладавших в различные эпохи и в разных странах настроений мысли, методов научного изыскания и взглядов на искусство. При чтении анализа Г. поэм в соч. Лахмана, Кехли, Кирхгофа, Бергка, Христа, Круазе и при ознакомлении с попытками их восстановить первоначальную, подлинно Гомеровскую композицию той и другой поэмы с выделением из них всего, что, по убеждению критиков, принадлежало или продолжателям-поэтам, распространявшим первоначальные песни, или редакторам, озабоченным объединением и согласованием между собою древнейших и позднейших частей, нельзя не удивляться остроумию и проницательности авторов и не признавать весьма правдоподобными их построения; нельзя не замечать вместе с ними разного рода слабых мест или даже явных противоречий и несообразностей. Так, например, в "Илиаде" книги II-X не имеют прямого отношения к сюжету поэмы -- к раздражению Ахилла с его печальными последствиями для ахейян. При этом IX кн. содержит в себе удовлетворение оскорбленного вождя мирмидонян, после чего не должно бы оставаться места продолжению поэмы, т. е. целым 15 книгам; она противоречит притом XVI кн., где Ахилл всячески усиливается получить от Агамемнона то, что в IX кн. ему предлагали раньше послы ахейян. Вождь пафлагонян Пилемен, убитый в сражении (V, 576), позже изображается в числе живых (XIII, 656). В I кн. Афина нисходит в лагерь ахейян, тогда как другое место книги говорит о пребывании богини в это самое время в земле эфиопов (ст. 195 и сл. срвн. с 424 и сл.). Много несообразности и в так называемом перечне кораблей (II, 484-779) и проч. и проч. В истории критики "Одиссеи" главное место занимает Кирхгоф ("Die Homerische Odyssee und ihre Entstehung", Берлин, 1859; "Die Homerische Odyssee", Берл., 1879), под влиянием кот. складывались гипотезы Бергка, Зитля, Джеба, Дюнцера, Виламовиц-Мёллендорфа, Магафи, Круазе и др. В I кн. решение Зевса послать Гермеса к Калипсо, насильно удерживающей у себя Одиссея, остается не выполненным, и потому